

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

# ПРАВДА СЕВЕРА

Орган Архангельского областного и городского комитетов  
Коммунистической партии Советского Союза,  
областного Совета депутатов трудящихся

ВОСКРЕСЕНЬЕ

11

ИЮЛЯ

1954 г.

№ 163 (9940).

Газета выходит ежедневно,  
кроме воскресенья

Год издания XXXV.

Цена 20 коп.

# Чеховский вклад в дело воинствующего атеизма

В. БРЮХАНОВ.

Старший преподаватель  
Архангельского педагогического  
института.

Великий русский писатель А. П. Чехов, жгуче ненавидевший «жизнь обывательскую, жизнь презренную», в которой нет «никаких веяний, а есть застой, глупость, бездарность», звал своими произведениями на поиски общей идеи, руководящего принципа подхода к явлениям жизни. В трагической судьбе ряда чеховских героев — людей добрых, умных и образованных, но не влияющих цели своего существования, раскрыта «тягота, ужас» жизни «без определенного мировоззрения».

Чехов настойчиво искал правильного мировоззрения, и оно формировалось у него на совершенно определенной материалистической и атеистической основе. Его философские взгляды явились выражением и продолжением той солидной материалистической традиции, которая, как указывал В. И. Ленин, имеется у главных направлений передовой общественной мысли России. Неизменно демократические настроения Чехова были благодатной почвой для влияния материалистических идей русских революционных демократов. Шестидесятые годы — годы революционного полема, период расцвета передовой русской философии и естествознания. Чехов называл святым временем и жалел, что ему не довелось родиться раньше.

Материалистическое существо воззрений Чехова-художника проявлялось в его непримиримом отношении к разному ролю литературным вылазкам идеализма и, что самое важное, — в идейном содержании его творчества. Гениальный мастер русской литературы умел с замечательной резкостью и прямоотой определять, к какому философскому лагерю принадлежит тот или иной писатель, давать репитительный отпор реакционным поползновениям в искусстве.

В 1889 г. Суворин, издатель лакействующей пер парским правительством газеты «Новое время», усилочно рекламировал роман французского писателя

П. Бурже «Ученик». Художественная ткань этого романа была пропитана ядом клеветы на материализм и апологии «религиозного инстинкта», что, как нельзя лучше, соответствовало вкусам реакционной клики в России. Отвечая Суворину, Чехов квалифицировал идейную направленность «Ученика» как «претенциозный поход против материалистического направления» и подчеркнул, что «воспретить человеку материалистическое направление равносильно запрещению искать истину. Вне материи нет ни опыта, ни знаний, значит нет и истины». Чеховская отповедь идеализму завершается чеховской пронией: «Если бы Бурже, идучи в поход, одновременно потрудился указать материалистам на бесплотного бога в небо — и указать так, чтобы его увидели, тогда бы другое дело, я понял бы его экскурсию».

Двумя годами позже тот же Суворин расхвалил Чехову продукцию другого французского автора — Э. Роде, у которого недостаток таланта «возмещался» избытком благочестия. Приговор, вынесенный Чеховым по этому поводу, гласил: «Этот Род кается, что он раньше был натуралистом, и радуется, что спиритуализм (разновидность идеализма. — В. Б.) последних новобранцев литературы успел сменить материализм. Мальчишеское хвастовство и притом грубое, аляповатое». Далее следует саркастический пересказ главной идеи писаний Роде: «Если, г. Зола, мы и не так талантливы, как Вы, то зато мы в бога верим».

Не обошел Чехов вниманием и религиозно-идеалистические патания крупного польского писателя Г. Сенкевича, умершего «красиво, тепло и ярко» говорить о жизни своей родины. С язвитель-

ной усмешкой Чехов отмечал, что в одном из романов Сенкевича имеются «старый чудака-профессор, вздыхающий по идеализму, и иже во святых Лев XIII с неземным лицом, и совет возвратиться к молитвеннику». Все это, вместе взятое, означает, по мнению Чехова, попытку «показать кукиш в кармане материализму».

Чехов с глубоким отвращением относился не только к «старомодным» формам поповщины и мракобесия, но и к тем попыткам оживить религию, сочинить религию, которые, по определению Ленина, понатобились русской буржуазии в ее контрреволюционных целях. Когда в конце девяностых годов редактор буржуазного эстетского журнала Дягилев пытался заполучить Чехова для участия в религиозном движении, Антон Павлович прямо заявил ему: «Теперьшняя культура — это начало работы во имя великого будущего... а религиозное движение, о котором мы говорили, есть пережиток, уже почти конец того, что отжило или отживает». Примерно в этот же период произошла любопытная встреча Чехова с Мережковским — одним из зачинателей богоскательства и символизма, впоследствии врагом Советской власти. Мережковский, по обыкновению, стал приставать в своему собеседнику с выспренними разглагольствованиями насчет Христа, Антихриста и т. п. В самый разгар этого религиозно-мистического словоблудия скромный и деликатный Чехов прервал оратора, чтобы порекомендовать ему... непременно отвешать селянку в одном из московских ресторанов. Мережковский был ошарашен чеховской репликой, которую он совершенно правильно расценил как выражение полного презрения к своим упражнениям в мракобесии.

Непримиримость позиции, занятой Чеховым по отношению ко всякого рода «экспериментам» с религией, нашла яркое выражение в мужественной критике мировоззренческих заблуждений такого

высоко ценного им писателя, как Лев Толстой. Толстовская философия, построенная на основе очищенной религии и реакционного учения о «непротивлении злу» одно время имела на Чехова влияние, которое он впоследствии преодолел. Не переставая видеть в Толстом великого художника, Чехов возмущался его насюками на технику и науку, а своей «Палатой № 6» нанес серьезный удар по проповеди непротивленчества. «Итак, к черту философию великих мира сего! — с жаром восклицает Антон Павлович в адрес толстовства. — Она вся, со всеми юридическими послесловиями и письмами к губернаторше не стоит одной кобылки из «Холстомера». Атеистическая направленность сложившихся у Чехова материалистических воззрений выступила не только в его критике писателей, попавших в путы идеализма, но и в прямых высказываниях, рассыпанных в его письмах. Так, в одном из них Чехов следующим образом рассказывает об истории своих взаимоотношений с религией:

«Я получил в детстве религиозное образование и такое же воспитание — с церковным пением, с чтением апостола и кафизм в церкви, с исправным посещением утрени, с обязанностью помогать в алтаре и звонить на колокольне. И что же? Когда я теперь вспоминаю о своем детстве, то оно представляется мне довольно мрачным: религии у меня теперь нет».

Важную роль для философского развития Чехова сыграла его крепкая связь с передовым материалистическим естествознанием. Гениальный русский художник был также врачом, а это весьма способствовало тому, что в Чехове, говоря его собственными словами, относящимися к Гете, «радом с поэтом прекрасно уживался естествознатель». По справедливому мнению Чехова, «и анатомия и изящная словесность имеют одинаково знатное происхождение, одни и те же цели, одно и то же же врага — чорта...».

Чехов всегда очень близко принимал к сердцу судьбу науки и ее тружеников. Он неизменно вставал против устремлений реакционеров оклеветать либо ополить науку, «которая, подобно жене Цезаря, не должна быть позорнама». В чеховских письмах немало задушевных,

хороших слов сказано о таких блестящих представителях мировой и русской науки, как Дарвин, Менделеев, Мечников, Тимирязев, Пржевальский.

Эти имена были для Чехова воплощением светлой силы знания и прогресса, противостоящей всему отжившему, загнивающему. В своем некрологе Пржевальскому Чехов писал о борцах за передовую науку: «Их личности — это живые документы, указывающие обществу, что... кроме скептиков, мистиков, психопатов, незуитов, философов, либералов и консерваторов, есть еще люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно сознающей цели».

Чехов не только приветствовал подлинную науку, но активно, силой своего искусства, боролся за ее движение вперед. Созданный им в рассказе «Попрыгунья» образ скромного талантливого доктора Дымова, который «служил науку и умер от науки» — это обвинительный акт против «попрыгунского» равнодушия буржуазной интеллигенции к ученым-демократам.

В 1891 г. Б. А. Тимирязев, придававший большое значение пропаганде достижений науки среди народа, выступил против профанации этого великого демократического дела. Выдающийся ученый написал статью «Парадия науки», в которой он, по словам Чехова, «воет с шарлатанской ботаникой», навязанной широкой публике под видом опытной ботанической станции при Московском зоосаде.

Чехов, считая эту войну Тимирязева «злойбой дня» и кровным для себя делом, немедленно принял в ней участие своим большим фельетоном «Фокусники». Фельетон язвительно и со знанием дела высмеивал халтурно-рекламную затем аллилуйя Московского зоосада и требовал соблюдать глубокое уважение к науке и ее популяризации.

Чехов — борца за науку был глубоко уверен в грядущем расцвете естествознания, который принесет новые победы материалистическому мировоззрению. «Очень возможно и очень похоже на то, — говорится в одном его письме, — что русские люди опять переживут увлечение естественными науками и опять материалистическое движение будет модным».

Следует заметить, однако, что Чехов, атаковавший идеализм с открытым забралом и без всяких обиняков определявший свою философскую позицию, не был все же последовательным материалистом. Это обнаруживается прежде всего в его неумении применить положения материализма к пониманию общественной жизни и сделать вытекающие отсюда политические выводы. Глубоко ощутив гнилость и мерзость порядков царской России, чувствуя назревшую необходимость «перевернуть жизнь», Чехов тем не менее не увидел той великой исторической силы, которая должна была разрушить старый мир. Гениальный художник, взволнованный наступления новой жизни, не понял, что ее творцом может быть только рабочий класс и его марксистская партия.

Имея в виду все сказанное выше, надобно одновременно подчеркнуть значение чеховской критики поповщины и мистики для одного из важных участков идеологической работы партии — для дела воинствующего материализма и атеизма. Речь идет, главным образом, не о высказываниях Чехова против философского мракобесия, содержащихся в его письмах, а о чеховской сатире, бичующей различные проявления этого мракобесия. Если первые ценны как документы, свидетельствующие о материалистическом существовании мировоззрения самого Чехова, то его сатира по своему объективному значению — боевое оружие в арсенале воинствующего материализма и атеизма.

Великий Ленин учил марксистов, что было бы величайшей ошибкой и худшей ошибкой вести атеистическую пропаганду среди народных масс только по прямой линии чисто марксистского просвещения. Он говорил о необходимости подойти к массам и так и этак, заинтересовать их, в частности, настаивал на использовании публицистики старых атеистов XVIII века. Действительность этой публицистики вождь нашей партии видел в том, что она «бейная, живая, талантливая, остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину».

(Окончание на 4-й странице).

# Чеховский вклад в дело воинствующего атеизма

(Окончание, начало см. на 3 стр).

Всеми названными боевыми качествами как раз и обладает чеховская сатира.

Вот один из маленьких шедевров Чехова — знаменитый рассказ «Канитель» (1885 г.). В сценке, происходящей между дядьком и старушонкой, с бесподобным мастерством показана вся проза церковной «технологии» обращения с душами «рабов божьих». Какой издевкой над полами звучит напыщенная религиозная фразеология в устах полупьяного полуграмотного дядьки. Которому совершенно безразлично, «кто здесь живой, кто мертвый»! Благодаря своей живости и простоте чеховский рассказ был предназначен для публичного чтения на общедоступных концертах, но парская репертуарная цензура запретила его исполнение. Нельзя, действительно, не согласиться с мнением цензора, считавшего, что рассказ «осмеивает церковные порядки».

Цензура мешала Чехову написать на поповщину не только в данном случае. Чехов часто негодовал по поводу «треклятых цензурных условий», не дающих ему возможности полным голосом высказываться о религии в своих произведениях. Так, сообщая в одном письме о задуманном им романе, Антон Павлович с горечью добавляет: «В романе нет ничего, побуждающего к революции, но цензор все-таки испортит его. Половина действующих лиц говорит: «Я не верую в бога».

По поводу судьбы своей повести «Три гола» Чехов писал: «Из моего рассказа цензура выкинула строки, относящиеся к религии. Это отнимает всякую охоту писать свободно; пишешь и все чувствуешь кость-поперек горла». Такая же участь постигла «Архиерея» — «цензура сильно его попортила».

Более разразившее наступление Чехову удалось осуществить на другую, также очень распространенную в то время, разновидность поповщины — спиритизм.

Ф. Энгельс в своей статье «Естественнознание в мире духов», посвященной раз-

облачению импортированного из Америки спиритизма, назвал последний самым диким из всех суеверий. Вскрывая иракосную сущность спиритических «опытов» с духовыстукиванием и духовидением, Энгельс указывает, что они имеют цель доказать бессмертие души и ложность материализма.

В 70—80 годах прошлого века спиритические сеансы стали входить в моду среди реакционных слоев русского общества и части интеллигенции. Для борьбы против быстро распространявшегося иракосия образовался единый фронт демократической культуры, представленный такими ее деятелями, как Менделеев и Мечников. Этот фронт, наобличавший спиритическое шарлатанство средствами науки, получил дополнительно на вооружение чеховскую сатиру.

В 1884 году в печати появилась крошечная и невинная на вид шутка Чехова «Несколько мыслей о душе». На самом деле это была язвительнейшая пародия на «значитанных губернаторов и ученых губернаторов», ударившихся в рассуждения о переселении душ. В том же году Чехов написал свою «Страшную ночь». Рассказ, гротескно насыщенный всеми атрибутами мистических ужасов, ведется от лица спирита Панихидина, получившего от «духа Спизозы» предсказание о скорой смерти. Объятый страхом, Панихидин находит в своей квартире и у всех своих знакомых таинственные гробы, которые, как выясняется под конец, являются имуществом прогоревшего гробовщика, спасающего свою собственность от аукциона. Примерно такой же прием «прозаического конца» применяет Чехов для разоблачения спиритических трюков и в чудесном рассказе «Тайна». Сюжет его таков. «Превосходительный» чиновник Навагин много лет подряд обнаруживал в листе, на котором по праздникам почтительнейше расписываются визитеры, фамилию совершенно незнакомого ему человека. Супруга Навагина — задалая спиритка уверяет свою половину, что загадочная фамилия несомненно принадле-

жит духу, и устраивает домашний спиритический сеанс. После беседы с духами его превосходительством «каждый день занимался спиритизмом и в присутствии (на службе.—В. Б.) объяснял чиновникам, что в природе вообще очень много сверхъестественного, чудесного».

В скором времени все навагинские подчиненные помешались на спиритизме, а сам начальник, проглотив сотни спиритических брошюр, сочинил громадный реферат на «потустороннюю» тему. При отправке последнего в спиритический журнал неожиданно выяснилось, что обладателем таинственной фамилии является... дядьком местного прихода — любитель расписываться в передних вельможных господ. В других своих произведениях Чехов создал несколько отталкивающих образов спиритов. Он рисует их людьми никчемными, пустыми, потерявшими свое место в жизни. Вот, например, характеристика спирита — брата героини рассказа «Архана»: «Он ничего не делал, ничего не умел, был какой-то кволый, точно сделанный из пареной репы».

В одной из своих записных книжек Чехов набросал замысел сатиры на буржуазное кокетничанье с материализмом: «Радикалка, крестящаяся ночью, втайне набитая предрассудками, втайне суеверная, слышит, что для того, чтобы быть счастливой, надо ночью сварить черного кота. Бредит котом и ночью пытается сварить».

Можно было бы, конечно, рассмотреть здесь и другие образцы художественного творчества Чехова, пронизанные идеями борьбы против реакционной идеологии. Как злободневно, остро звучат они в наши дни, когда культура загнившего капиталистического мира погрязает в откровениях спиритов, прорицаний гадалок, гороскопах астрологов! Уже из незначительного здесь сказанного ясно, что великий русский писатель внес свой особый вклад в дело воинствующего материализма и атеизма. Этому делу славяно послужили, служат и будут служить гениальные творения Чехова.